

РЭЙ ХАРТ

ДРАКОНЫ И РАМЁН

Он думал, что нашёл
свою мечту,
пока не встретил её

*Когда два сердца становятся
сильнее любого расстояния*

Рэй Харт

Драконы и рамён

«Автор»

2026

Харт Р.

Драконы и рамён / Р. Харт — «Автор», 2026

Он — Хан Сон Чжи, лидер группы «Noctis», чьи песни собирают стадионы, а лицо украшает билборды по всему Сеулу. Его жизнь расписана на годы вперёд, а фанаты готовы дышать за него. Но однажды ночью в круглосуточном магазине случайная девушка смотрит на него как на пустое место и просит убраться с дороги — ей нужен острый рамён. Она — Юн Соль, художница, которая ненавидит кумиров. Её мир — это тишина мастерской, запах скипидара и драконы на стенах заброшенных складов. У неё нет денег на концерты, и она не включает радио. Их случайная встреча перерастает в ночные прогулки по Сеулу, разговоры под дождём и рискованные свидания, где каждую секунду могут узнать. Но можно ли построить любовь на лжи? И что важнее — карьера, ради которой он работал годами, или единственный человек, который увидел его настоящего? «Драконы и рамен» — это история о том, как трудно быть собой, когда ты — лицо на билборде. И о том, что иногда, чтобы обрести крылья, нужно потерять всё.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Драконы и рамён

Пролог. Тот, кто не аплодирует

Сеул в три часа ночи — это не город, а декорация. Неон выгорает, превращаясь в тусклые пятна на мокром асфальте, тишина становится осязаемой, как вата. Сон Чжи привык к этой тишине, но сегодня она звенит по-особенному.

Он не привык к слову «нет». Не потому что был избалован — хотя, если почитать комментарии в сети, можно подумать, что он заносчивый мерзавец, возомнивший себя центром вселенной. Просто за пять лет карьеры лидера группы «Noctis» он выучил циничную математику: его улыбка стоит десяти тысяч альбомов, его взгляд в камеру — миллиона просмотров. Его голос заставлял девушек рыдать в первых рядах, срывая связки от восторга. Он живёт в мире, где даже воздух наполнен чужим обожанием. Фанаты дышали за него, любили за него, жили его расписанием.

Поэтому, когда в круглосуточном магазине «24/7» случайная девушка в растянутом сером свитере, с растрёпанными волосами, испачканными синими красками, посмотрела на него и сказала: «Вы загораживаете полку с рамёном» — его мир на секунду дал сбой.

Он стоял у холодильника, пытаясь незаметно купить колу без сахара. В чёрных очках, кепке, маске, скрывающей нижнюю часть лица. Стандартный камуфляж айдола. Но даже так он знает, как выглядит. В зеркальной дверце холодильника он видел своё отражение: резкая уставшая челюсть, высокие скулы, тени под глазами, которые фанатки в соцсети называли «грустным океаном в бурю».

Он медленно повернулся. Девушка стояла вплотную. От неё пахло не духами, как от всех, кто обычно окружал его, а скипидаром, дешёвым кофе и дождём.

— Я... простите? — он специально сделал голос мягче, ниже, ту интонацию, от которой тают стюардессы и администраторши в отеле.

Девушка — лет двадцать пять, примерно его возраста, с глазами цвета тёмного мёда — прищурилась. В свете люминесцентной лампы её лицо казалось прозрачным. В её взгляде не было ни страха, ни узнавания.

— Вы глухой? Я сказала: уберите свою широкую спину. Мне нужен острый удон. Последняя пачка.

Она не улыбнулась, не покраснела, не полезла за телефоном. Просто взяла пачку лапши и бросила в корзину. Там, помимо еды, лежали кисть с облезлой щетиной, тюбик синей краски и блок энергетиков.

Сон Чжи моргнул. Механизм, отлаженный годами — «увидел фаната — улыбнулся — подписал — ушёл» — дал осечку.

— Вы... вы меня не узнаете? — спросил он, и в его голосе прозвучала нотка искреннего, детского недоумения.

— А должна?

Она скользнула взглядом по его чёрной футболке, кепке, часам, которые стоят как аренда её квартиры за полгода. Без зависти. Во взгляде была лишь усталая оценка.

— А, вы модель? Или блогер? Извините, я не сижу в соцсетях. Там слишком много шума.

Она сказала это без капли сарказма. Ей было всё равно на него. И это, чёрт возьми, зацепило Сон Чжи сильнее, чем любые овации на «Олимпийском парке». В этой равнодушной фразе он услышал то, чего не мог купить за свой космический гонорар.

Она ушла из магазина, шаркая кедами. А он остался стоять с банкой колы. Холод пробирался сквозь ткань футболки, но внутри было жарко. Впервые за долгое время он чувствовал

себя не центром вселенной, а предметом интерьера, который мешает взять лапшу. И это было пугающе освобождающим.

Глава 1. Та, кто не включает радио

Юн Соль ненавидела три вещи: пробки на мосту Ханган, сладкий кофе и кумиров. Последнее — не потому что она сноб. Просто она выросла в Тэджоне у бабушки, которая включала телевизор только на городские новости и погоду. Потом она училась на художника в Сеуле, ночевала в холодных мастерских, питалась лапшой быстрого приготовления и не имела денег на билеты на концерты. К-поп для неё был фоновым шумом в метро — слишком громким, ярким, ненастоящим. Это был звук пластика, идеальных улыбок и блестящих волос.

Её миром были запах льняного масла, мольберт и тишина. В тишине рождались цвета. В шуме они умирали.

В ту ночь она просто хотела рамён. Сил не было даже на вежливую улыбку высокому парню, который возник на пути. Она была злая, уставшая, испачканная синей краской на щеке, которую она не заметила. Выглядела как пугало, сбежавшее с огорода.

Она уже выходила из магазина, толкая стеклянную дверь плечом, когда парень догнал её. Дверь хлопнула, отрезая гул холодильников.

— Пойдите.

Голос приятный. Даже слишком. Как у диктора радио.

— Зачем? — Соль обернулась.

— Я Сон Чжи. — Парень протянул руку. — Хан Сон Чжи.

Соль пожала плечами и не протянула руку в ответ, так как руки были заняты пакетом.

— А я Соль. И мне нужно домой — докрашивать натюрморт, пока герань не завяла.

Он снял чёрную маску и улыбнулся. Улыбка — опасное оружие, но сейчас она направлена в пустоту.

— Вы всегда такая грубая с незнакомцами? — В его голосе не было обиды, скорее любопытство исследователя, наткнувшегося на редкий вид насекомого.

— Только с теми, кто загораживает рамён, — ответила она. — И с теми, кто знакомится в три часа ночи у магазина.

Она не стала ждать ответа и ушла, растворившись в темноте переулка. Там пахло влажным бетоном и жареным кунжутом из соседней забегаловки. А он остался стоять у дверей и смотрел на то место, где она исчезла. Ветер трепал полы его дорогой куртки. Вдалеке завывала полицейская сирена.

«Соль», — подумал он. Белая, острая, необходимая. И разъедающая раны.

Он сел в ожидающий чёрный минивэн. Водитель, дремавший на переднем сиденье, вздрогнул.

— Всё в порядке, Сон Чжи? Ты долго.

— Всё в порядке, — ответил Сон Чжи. В салоне пахло кожей и освежителем воздуха, привычные запахи его жизни. — Поехали.

Он закрыл глаза, но вместо сна перед внутренним взором возникло лицо девушки с синей краской на скуле. И тишина, которую она оставила после себя, звенела громче любого его популярного трека.

Глава 2. Шум внутри

Всю следующую неделю Сон Чжи вёл себя как идиот. Это было не в его характере. Он был человеком дисциплины. Его жизнь расписана по минутам, за полгода вперёд: вокал, хореогра-

фия, интервью, съёмки, сон. Но вдруг он начал просить менеджера купить рамён именно в том круглосуточном магазине на Тондэмун.

— Сон Чжи, у тебя всё в порядке? — спросил Чонсу, барабанщик группы, заметив, как тот пялится в экран телефона во время перерыва на репетиции. — Ты уже час смотришь список местных художественных школ и галерей. Ты хочешь сменить профессию?

Сон Чжи вздрогнул и заблокировал экран. Он и не заметил, как прошло столько времени.

— Я ищу одну девушку, она не знает, кто я.

Чонсу перестал крутить палочки в руках. Он рассмеялся так громко, что звук эхом отразился от звукоизоляционных стен в студии. В комнату через стекло заглянул охранник и, оглядев помещение, нахмурился.

— Ты серьёзно? Сон Чжи, ты — лицо города. Твои билборды висят на каждом углу от Каннама до Инчхона. Может, она просто притворилась?

Сон Чжи покачал головой. Нет. В её глазах не было игры. Только спокойствие. Она смотрела на него как на стул. Или как на мусорный бак. Как на часть пейзажа, которая не заслуживает отдельного внимания.

На десятый день удача улыбнулась ему. Он возвращался с ночной репетиции, машина застряла из-за грузовика, разгружающего товар, и он решил пройтись пешком.

Воздух был тяжёлым и предгрозовым, асфальт отражал огни города, словно чёрное зеркало.

И вдруг он увидел её.

Она сидела на корточках у стены заброшенного склада. На ней были те же джинсы и серый свитер в краске. В руках баллончик. На стене, под её руками рождался дракон — печальный и величественный, сплетающийся с корнями старого дерева. Она была тихой, задумчивой.

— Это вы, — сказал он.

Соль вздрогнула. На лице отразилось лёгкое узнавание.

— А, любитель рамёна. — Она отставила баллончик. — Вы что, следите за мной? Сталкерство — это статья, знаете ли.

— Нет. Я живу рядом. — Соврал он, это казалось ему почти правдой. Он захотел здесь жить. — Просто гуляю.

— Богатые мальчики в таких кардиганах не живут рядом со складами. — Она кивнула на его белый кашемир, который едва касался грязного асфальта. — И не гуляют здесь, нет кофеен.

Сон Чжи улыбнулся впервые без камер. Уголки его глаз собрались в морщинки.

— Мне нужен был воздух.

Она фыркнула, но не прогнала.

— Ну, садись, раз пришёл. Только не мешай. Я рисую дракона, он должен уснуть до рассвета.

Сон Чжи колебался секунду, а потом сел на асфальт. Белый кардиган впитал серую пыль. И ему было всё равно.

Она рисовала час. Он молчал. Слушал, как шипит краска, как дышит Соль. Он смотрел на её руки — тонкие, но сильные, испачканные в чёрной и синей краске. Она смешивала цвета прямо на стене, создавая оттенки.

В этом молчании не было неловкости. Было понимание. Два человека, уставшие от шума, нашли островок тишины.

— Почему дракон? — спросил он, когда она отошла в сторону, чтобы посмотреть на работу.

— Потому что они вымерли. Но все верят, что они где-то есть. Как и всё хорошее в этом мире.

Она повернулась к нему. В её глазах отражался неон вывески.

— Ты мешаешь свету, Сон Чжи-сси. Подвинься левее.

Он подвинулся.

И впервые за восемь лет почувствовал, что его имя, произнесённое ею, звучит не как бренд, а как имя обычного человека. Для неё это был просто ещё один ночной сеанс рисования, но для него это было началом чего-то, что могло заглушить тот самый шум в голове, который не давал ему спать годами.

Глава 3. Дракон , который не летает

Юн Соль не знала, зачем разрешила ему остаться. Может, усталость сделала её границы проницаемыми, как старая бумага. Может, в том, что он не задавал тупых вопросов вроде «а что это за краски?» или «а ты можешь нарисовать меня?», которые обычно задавали пьяные прохожие или случайные зеваки. Он просто сел на холодный асфальт, прислонился спиной к грязной стене, покрытой слоями старой штукатурки, и замолчал. На целый час.

Это было... странно. И непривычно.

Большинство людей вечно спешат. А этот сидел так, будто у него впереди вечность. Он наблюдал за её руками. Следил, как синяя краска ложится на кирпич, перетекая в чёрную тень. Даже когда его белый кашемировый кардиган испачкался об известковую пыль и оставил на ткани серые следы, он не двинулся, не попытался отряхнуть его.

— Ты чего не уходишь? — спросила она, отступая на шаг, чтобы оценить крыло дракона. Получалось паршиво. Пропорции съехали, голова вышла слишком тяжёлой. Дракон выглядел не могущественным ящером, а скорее уставшей птицей, которая забыла, как летать.

— Мне нравится смотреть, как ты работаешь.

Без флирта. Как наблюдение за тем, как течёт вода или горит огонь.

Соль хмыкнула, убирая баллончик в коробку. Щёлкнула крышка.

— Это бесплатный театр? Билетов нет, чаевых тоже.

— Нет. Это терапия.

Она повернулась к нему. В темноте, освещённой лишь тусклым светом одинокого фонаря на столбе, его глаза блестели. В них была глубина, в которой можно было утонуть. Соль поймала себя на мысли, что впервые за месяц не думает о деньгах, которых не хватает на аренду, о дедлайне по выставке, который горел красным в календаре, и о том, что бабушка снова не берёт трубку уже второй день. В этом пузыре тишины между ними не существовало проблем. Только они, стена и дракон.

— Ты странный, — сказала она, и в её голосе не было осуждения.

— Я знаю.

— И слишком красивый для того, чтобы сидеть на асфальте в три ночи. Это расточительство.

— А я думал, ты меня не замечаешь. — Он чуть склонил голову набок. Тень от козырька кепки скрыла его взгляд, но улыбка осталась видимой — лёгкая, неуверенная.

Соль усмехнулась и отвернулась к стене, чтобы скрыть внезапный жар, поднявшийся к щекам. Ещё как заметила. Она заметила всё: как он держит спину, как аккуратно ставит банку с кофе на чистый кусок картона, как смотрит на неё, словно она — единственное цветное пятно в его чёрно-белом мире. Но признаться в этом означало бы проиграть в той маленькой игре, которая вдруг началась между ними. Она не знала правил, не знала ставок, но твёрдо решила: «она не будет той, которая первой моргнёт».

— Ладно, Сон Чжи-сси. Спасибо за компанию. Иди домой, а то твоя мама будет волноваться.

Он медленно поднялся. Суставы хрустнули после долгого неподвижного сидения. Он отряхнул штаны и кардиган, но пыль на кардигане так и осталась серым пятном на белом фоне.

И вдруг он сделал то, чего она не ожидала: достал из кармана телефон. Дорогой блестящий аппарат с чёрным стеклом, который выглядел чужеродно в этом грязном переулке.

— Напиши свой номер.

Соль напряглась. Инстинкт самосохранения взвыл сиреной.

— С чего бы?

— Чтобы я знал, что ты доехала до дома в целости. Здесь небезопасно для девушки одной.

— Мы не знакомы. Я не знаю, кто ты на самом деле. Ты можешь быть маньяком.

— А мы уже знакомы, — возразил он, и в его голосе впервые проскользнула та самая уверенность, стальная нотка, которую она не заметила в магазине. — Ты — Соль, художница, которая рисует драконов на складах и ест рамён в три ночи. Я — Сон Чжи, парень, который мешает тебе брать лапшу с полки и портит дорогую одежду об грязные стены. Этого достаточно для начала. Разве нет?

Он протянул телефон. Экран светился в темноте, словно маленький портал в другой мир.

Она секунду колебалась. Ветер усилился, закрутив вокруг них пыль и обёртки. Она смотрела на его руку — длинную, с тонкими пальцами, без колец. Потом перевела взгляд на лицо. В нём не было угрозы. Только ожидание. Хрупкое, как мыльный пузырь.

Потом Юн Соль взяла телефон. Экран был тёплым от его руки. Она быстро набрала цифры, не сохраняя имя.

— Не смей названивать, — предупредила она, возвращая аппарат. — И не пиши глупости, у меня на это нет времени.

— Не буду, — соврал он, пряча улыбку в воротник шарфа. Он убрал телефон так бережно, словно это была не записка с номером, а драгоценный камень.

Соль ушла первой. Её шаги гулко отдавались в пустом переулке. А Сон Чжи стоял и смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась в тени ворот.

Айдол чувствовал, как в груди разрастается что-то тёплое и совершенно неуместное для человека, у которого завтра в шесть утра съёмка клипа, где он должен изображать бездушную куклу для миллионов глаз.

Он коснулся пальцами того места на экране, где она набирала номер.

— Соль, — прошептал он в темноту.

Ветер унёс слово, но ему показалось, что оно осталось висеть в воздухе, между ним и драконом на стене.

Глава 4. Первое сообщение

Оно пришло на следующий день в 23:47.

Соль как раз пыталась уснуть после двенадцати часов в мастерской. Её квартира-студия напоминала внутренности взорванного магазина товаров для творчества: везде стояли банки с водой, муляжи фруктов, наброски на стенах. Воздух пах растворителем и остывшим чаем. Она лежала на узкой кровати, укрытая только пледом, и слушала, как гудит холодильник.

Экран телефона вспыхнул в темноте, выхватив из мрака трещину на потолке. Свет был резким, болезненным для глаз, привыкших к полумраку.

«Твой дракон готов?»

Соль не ответила. Через минуту — ещё одно: «Я не спамлю. Просто любопытно. И мне не спится».

Она сдалась. Лежать в темноте и игнорировать светящийся экран было сложнее, чем ответить. Пальцы сами потянулись к клавиатуре.

«Нет. Драконы не любят, когда на них давят. Им нужно время, чтобы высохнуть. Как и людям».

Ответ пришёл почти мгновенно. Будто он ждал у телефона.

«А что они любят?»

Соль усмехнулась в темноту. Кто вообще спрашивает такое?

«Тишину и уважение. И чтобы их не фотографировали со вспышкой».

«Понял. Я буду тихим и уважительным. Как библиотекарь».

Она фыркнула в подушку, и звук в тихой комнате показался ей слишком громким. «Библиотекарь». Этот парень выглядел так, будто в библиотеке не был ни разу в жизни. От него веяло не пылью старых книг, а ароматом после грозы и дорогим парфюмом, который он тщетно пытался скрыть под запахом кофе.

«Ты вообще кто по профессии?» — спросила она, решив, что небольшое любопытство не повредит. В конце концов, он первый начал разговор.

Сон Чжи завис на минуту. Три точки пульсировали на экране, исчезали, появлялись снова. Он печатал, стирал, снова печатал. Соль представила, как он сидит где-то в квартире, хмурится, подбирая слова.

Потом ответил:

«Пою немного. Танцую. Ничего серьёзного. Иногда записываю демо».

Соль скривилась, хотя он не мог этого видеть. Певец. Ну конечно. У него была та самая холёная внешность, которая кричала о сцене, о свете софитов. Может, он выступает в маленьких клубах в Хондэ? Или поёт в караоке-баре для туристов? Это объясняло его странное расписание и ночные прогулки.

В этом было что-то уютное. Он не был бизнесменом в костюме, не был чиновником. Он был таким же творческим неудачником, как и она, только вместо краски у него был микрофон.

«Понятно. Спокойной ночи, Сон Чжи-сси».

«Спокойной ночи, Соль-сси. Не забудь поесть. Художникам нужно топливо».

Она выключила телефон и устала в потолок. Темнота снова накрыла её, но теперь она казалась менее плотной.

«Не забудь поесть». Кто он такой, чтобы напоминать ей о еде? Они знакомы всего два дня. Он не имел права беспокоиться. Это нарушало все правила дистанции.

Но почему-то от этого сообщения в груди стало тепло. Как от чая с имбирём и мёдом, который варила ей бабушка в детстве, когда она простужалась и лежала под одеялом, слушая шум дождя за окном. Это было заботливое вторжение в её одиночество, которое она обычно охраняла как крепость.

Она зарылась лицом в подушку, пахнущую краской, и прошептала в темноту, чтобы никто не услышал, даже стены:

— Это ничего не значит. Просто вежливость. Обычная человеческая вежливость.

Но она не удалила сообщение. И не заблокировала номер. Она положила телефон рядом с подушкой, экраном вверх, словно маяк в ночи.

Глава 5. Тот , кто ждал у экрана

Он не спал почти двое суток.

Съёмка клипа началась в шесть утра и закончилась в десять вечера. Сорок дублей, дымухи, мокрый асфальт и взгляд в камеру, который должен был разбивать сердца. Сон Чжи сделал всё, что требовали: улыбался, танцевал, падал в объятия модели с идеальными скулами. А потом сел в минивэн, снял контактные линзы и сказал менеджеру:

— Я сам домой. Отвези ребят.

Чонсу хотел остаться, но Сон Чжи попросил тишины.

Теперь он сидел в своей квартире на тридцать втором этаже. Сеул раскинулся за панорамным окном — миллион огней, которые не грели. Он выключил весь свет, оставив только экран телефона. Телефон лежал перед ним на стеклянном столе, чёрный, холодный, как камень.

В его контактах было четыре тысячи имён. Директоры, продюсеры, стилисты, визажисты, фанаты, которых он никогда не запомнил бы в лицо. А нужно было только одно: номер, набранный без сохранения.

«Юн Соль».

Он не знал, как она записала его у себя. Может, «любитель рамёна». Может, «странный парень». А может, никак. Она из тех, кто стирает сообщения и не сохраняет чужие номера. Он это знал. И почему-то это знание грело сильнее, чем любой фанатский комплимент.

«Напиши ей. Не пиши. Напиши. Ты идиот».

Он взял телефон. Руки дрожали — от усталости или от страха, он не разбирал.

«Твой дракон готов?»

Слишком прямо. Слишком глупо. Она подумает, что он заиклен на этом драконе. Хотя, чёрт возьми, он и был заиклен. На драконе. На том, как она смешивает синюю краску с чёрной. На том, как она морщит нос, когда пропорции съезжают.

Отправил.

И замер.

Телефон лежал на столе, экран медленно тускнел. Сон Чжи сидел в темноте, обхватив колени руками. На нём был тот самый кардиган — белый, кашемировый, с серым пятном от пыли на складе. Он не отдал его в химчистку. Пятно осталось. Маленький сувенир от той ночи.

Минута. Две. Пять.

Он уже начал думать, что она спит. Что правильно делает. Что не нужно лезть в чужую жизнь.

А потом — вспышка. Три точки. Она печатает.

Сердце пропустило удар. Он не чувствовал себя так даже перед выходом на сцену в первый раз.

«Нет. Драконы не любят, когда на них давят. Им нужно время, чтобы высохнуть. Как и людям».

Соль ответила. Она не проигнорировала. Он перечитал сообщение три раза, вслушиваясь в каждую букву. «Как и людям». Она сказала это про себя? Или просто так?

Пальцы забегали по клавиатуре.

«А что они любят?»

Не спрашивай глупостей. Она подумает, что ты ненормальный. Но он хотел знать. Он хотел знать всё: что она любит, что ненавидит, почему красит волосы в синий на кончиках, почему не спит по ночам, почему смотрит на мир так, будто он скоро кончится.

«Тишину и уважение. И чтобы их не фотографировали со вспышкой».

Сон Чжи улыбнулся. В темноте квартиры, один, уставший до костей, он улыбнулся как ребёнок, которому дали конфету. Она смешная.

«Понял. Я буду тихим и уважительным. Как библиотекарь».

Он хотел добавить смайлик, но стёр. Не надо. Она не любит глупости. Она так сказала.

А потом пришло то, отчего воздух в комнате стал другим.

«Ты вообще кто по профессии?»

Вопрос. Она спросила. Ей не всё равно.

Сон Чжи замер. Телефон выпал из рук на диван. Он смотрел на буквы, и они расплывались перед глазами.

«Кто ты по профессии?»

Правда: ты — Сон Чжи, лидер группы Noctis. Твои фото висят на билбордах. Твои песни слушают миллионы. Ты — тот, кто не может зайти в магазин без маски.

Ложь: никто. Обычный парень.

Правда раздавит её. Или, что хуже, она перестанет быть собой. Начнёт кланяться, извиняться, бояться. Станет как все.

Он не мог этого вынести.

Он начал печатать: «Я музыкант. Пою в группе» — стёр. «Я айдол» — стёр. «Никто» — стёр.

Пальцы дрожали. Три точки пульсировали, пропадали, появлялись снова. Он чувствовал себя фальшивомонетчиком. Но другого выхода не было. Не сейчас. Слишком рано. Он её только нашёл.

«Пою немного. Танцую. Ничего серьёзного. Иногда записываю демо».

Отправил. И тут же пожалел. Слишком бледно. Слишком враньё. Она умная — раскусит. Но она не раскусила. Или сделала вид.

«Понятно. Спокойной ночи, Сон Чжи-сси».

Всё. Закончилось. Он смотрел на экран, и в груди росла пустота. «Спокойной ночи» — это как «до свидания». Вежливое, далёкое, ничего не значащее.

А потом он понял, что она ещё раз назвала его по имени. Сон Чжи-сси. Не «любитель рамёна», не «странный парень». По имени.

«Спокойной ночи, Соль-сси». — написал он. И ещё: «Не забудь поесть. Художникам нужно топливо».

Она не ответила.

Он сидел в темноте, сжимая телефон в потных ладонях. За окном горел Сеул, но он его не видел. Он видел только её лицо — уставшее, с синей краской на скуле. И дракона, который не летает.

Сон Чжи лёг на диван прямо в кардигане, не раздеваясь. Прижал телефон к груди. Закрыв глаза.

Она не удалила его номер. Она не заблокировала его. Она ответила. Этого достаточно. Пока.

Но он знал: это только начало. И когда она узнает правду — а она узнает, потому что такие секреты не живут долго, — она возненавидит его за ложь. Или, что страшнее, перестанет смотреть на него как на обычного человека.

Он прошептал в потолок, в пустоту тридцать второго этажа:

— Прости. Но я не мог иначе.

В соседней комнате тихо гудел кондиционер. Внизу выла сирена. А он засыпал с телефоном в руке, и его последняя мысль была не о завтрашнем интервью, не о новом альбоме, а о том, как она сейчас — в своей студии, пахнувшей краской, — перечитывает их переписку. Или нет.

Но телефон лежал экраном вверх.

Как маяк.

Глава 6. Тень на афише

Проблема возникла на пятый день их странного, хрупкого общения.

Они встречались уже трижды. Всегда ночью, всегда «случайно» (хотя Соль подозревала, что «случайно» у Сон Чжи было таким же случайным, как ураган в безветренную погоду). Он появлялся из тени, словно призрак, всегда с двумя стаканчиками кофе в руках. Он запомнил: без сахара, с небольшим количеством молока. Она позволяла ему сидеть рядом, пока заканчивала граффити или просто сидела на крыше, глядя на огни города.

Он рассказывал смешные истории о своих «коллегах по работе» — о барабанщике, который вечно терял палочки, о втором вокалисте, который боялся кошек. Он никогда не называл

имён, словно они были засекречены. Она смеялась — искренне, звонко, впервые за долгое время забывая о том, что завтра снова нужно считать копейки.

И в какой-то момент, когда они сидели на краю крыши, болтая ногами в пустоте, она поймала себя на мысли: «он мне нравится. Как человек. Как собеседник. Как...»

Нет. Стоп.

Она одёрнула себя. Романтика с ночным певцом из клуба? У неё нет на это времени. У неё нет на это денег. У неё есть только искусство.

В тот вечер она возвращалась в свою квартиру-студию на северо-западе Сеула. Самый час пик. Метро «Хонгик» гудело, как растревоженный улей. Тысячи людей спешили домой, лица у всех были одинаково усталыми, освещёнными синим светом смартфонов.

Соль пробиралась сквозь толпу, прижимая к себе пакет с красками. Она подняла глаза, чтобы найти указатель выхода, и случайно взглянула на огромную рекламную конструкцию над эскалатором.

Там был парфюм. Дорогой. Флакон из матового стекла, окружённый туманом. И лицо модели.

Соль замерла. Ноги словно вросли в плитку пола. Шум метро — скрежет тормозов, объявления диктора, гул голосов — вдруг исчез, превратившись в далёкий звон в ушах.

На неё смотрел Сон Чжи.

Тот самый Сон Чжи, который сидел на асфальте в испачканном белом кардигане. Тот самый, который вчера пытался нарисовать цветок на салфетке и жаловался, что у него «кривые линии» и он «ничего не умеет». Тот, кто называл себя певцом из маленьких клубов.

Но на билборде он был другим. Холодным. Недостигаемым. Идеально уложенные волосы, взгляд, пронзающий насквозь, одежда, которая стоила больше, чем вся её жизнь. Подпись внизу, выполненная изящным золотым шрифтом, гласила:

«ХАН СОН ЧЖИ — ЛИДЕР ГРУППЫ Noctis. 20 МИЛЛИОНОВ ПОДПИСЧИКОВ. ЛИЦО БРЕНДА №1 В АЗИИ».

Мир вокруг накренился. Соль выронила пакет с красками. Тяжёлая банка с растворителем ударилась о пол с глухим, угрожающим звуком. Один из прохожих обернулся, несколько обошли её, бормоча раздражённые извинения.

— Вот чёрт! — выдохнула она, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Это был не просто певец из клуба. Это был айдол. Это был один из тех самых «кумиров», которых она ненавидела за их искусственность, за шум, который они создавали вокруг себя. Это был человек, чьё лицо висело на каждом углу города.

И он лгал ей.

Нет, не совсем лгал. Он просто... скрыл масштаб. Но разве это не одно и то же? Зачем ему было притворяться, что он не популярен? Зачем ему было сидеть в грязи рядом с ней, если он мог сидеть в VIP-зале любого ресторана?

«Ты — Юн Соль, художница... Я — Сон Чжи, парень, который мешает тебе брать лапшу».

Он назвал себя просто парнем. Но он был божеством для миллионов.

Телефон в кармане завибрировал. Резко, настойчиво. Соль вздрогнула, словно её ударили током. Она медленно, дрожащими пальцами достала его. Экран светился в полумраке станции, освещая её побледневшее лицо.

«Ты сегодня будешь на складе? Я принёс рамен. Твой любимый, острый. И ещё плед, там холодно».

Она посмотрела на сообщение. Простые слова. Забота. Тепло.

Потом она подняла глаза на билборд. Огромные глаза Сон Чжи смотрели на неё сверху вниз с безупречной рекламной улыбкой.

Потом снова на сообщение.

И впервые за всю их короткую историю она не знала, что ответить. Правда ли была его забота? Или это часть игры? Часть имиджа? Или он действительно видел в ней человека, а не фанатку?

Вокруг Соль текла река людей, спешащих домой. А она стояла неподвижно, зажата между грязным пакетом с красками на полу и глянцевым лицом человека, который, возможно, только что разрушил её доверие.

— Кто ты такой? — прошептала она в шум метро, но ответа не было. Только эхо её собственного голоса и безмолвный взгляд айдола с билборда.

Глава 7. Расколота тишина

Юн Соль простояла под билбордом пять минут. Может, десять. Время в метро «Хонгик» текло иначе, чем на поверхности — оно было сжато до интервалов между поездами, до мигания световой рекламы. Она перестала считать секунды, когда прохожие начали огибать её, как неподвижный камень посреди стремительного людского потока. Для них она была просто препятствием, тенью на пути к дому.

А над ней, огромная, сияющая ядовитым неоновым светом, висела правда.

«20 миллионов подписчиков. Это больше, чем население Сеула...»

Цифры горели золотом, словно насмешка. Соль медленно, словно во сне, достала телефон. Экран был слишком ярким для её расширенных зрачков. Пальцы дрожали, когда она открыла браузер. Она набрала в поиске: «Хан Сон Чжи».

Интернет взорвался. Это было не просто количество информации, это было цунами. Золотое конфетти заголовков, клипы с сотнями миллионов просмотров, где он двигался с грацией хищника, интервью, где он смеётся — тем самым смехом, который она слышала в грязном переулке, но теперь этот смех был отполирован до блеска. Фотографии в дорогих костюмах на красной дорожке, в объятиях других знаменитостей, с микрофоном в руке на стадионе, заполненном людьми.

Она пролистала ленту комментариев под последним фото. Они бежали сплошным потоком, сливаясь в единый гул: «Он мой муж», «Боже, этот взгляд убил меня», «Хан Сон Чжи — король мира», «Хочу родить ему детей».

А он писал ей про рамён.

«Твой любимый, острый».

Соль почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Это было не отвращение к нему. Это был страх. Холодный, липкий страх обманутого ребёнка. Потому что последние пять дней она позволяла себе быть настоящей — уставшей, грязной, злой, смешной. Она снимала маски, которые носила годами. Она думала, что он обычный парень. Что он такой же потерянный в этом городе, как и она. Что она ему интересна просто как личность, как Юн Соль, а не как очередная точка в списке завоеваний айдола.

Теперь всё вставало на свои места, как кусочки пазла, которые сложились в уродливую картину.

Он — небожитель. Человек, чьё лицо знают таксисты и бабушки в провинции. Она — никто. Художница без галереи, девушка без денег, живущая в студии, где пахнет растворителем.

И единственное объяснение его интересу — либо скука богатого мальчика, либо игра. Жестокая, изощрённая игра: «А давай посмотрим, как обычная девочка влюбится в меня, поверит в нашу исключительность, а потом мы исчезнем?» Или, что хуже, он искал вдохновения. Музу на одну ночь, чтобы потом написать об этом песню и продать миллионам.

Она сжала телефон так, что побелели костяшки. Пластик скрипнул под давлением. Вокруг неё шумело метро, жизнь кипела, но она стояла в вакууме.

«Он лгал. Каждое слово было ложью. Или полуправдой, что ещё хуже».

Но потом она вспомнила его глаза в тот вечер у склада. Не было там игры. Не было там расчёта. Была усталость, такая же, как у неё.

«Нет. Это не имеет значения. Маска есть маска».

Она открыла их чат. Его последнее сообщение висело вверху, неп прочитанное. Она начала печатать. Стерла. Снова начала.

«Я знаю, кто ты. Не пиши мне». — Слишком драматично.

«Ты обманул меня». — Слишком обвинительно.

В конце концов, она написала сухо, отстранённо, словно отправляла деловое письмо:

«Извини, сегодня не смогу. Завал с работой. Не приходи».

Юн Соль добавила второе сообщение, чтобы закрепить границу:

«Нам не стоит встречаться».

Отправила. И сразу выключила звук уведомлений. Положила телефон в карман куртки, словно это была бомба замедленного действия.

Сон Чжи ответил через минуту. Экран в кармане глухо вибрировал, касаясь её бедра. Она не достала его.

«Всё в порядке. Тогда завтра?»

Она не прочитала. Она повернулась и пошла к эскалатору, сливаясь с толпой. Но внутри неё что-то надломилось. Тихий шелчок, как когда ломается сухая ветка под ногой.

Глава 8. Ждущий у стены

Он пришёл за час до полуночи.

Не потому что хотел казаться настойчивым. Просто не мог оставаться в квартире. Стены давили, стеклянный стол отражал его собственное лицо — растерянное, слегка небритое, с тенями под глазами, которые даже тональный крем на съёмках не мог скрыть полностью. Он перечитал её сообщение сто раз. Сто три. Сто семь.

«Нам не стоит встречаться.»

Четыре слова. Сухих, ровных, без единой эмоции. Она не написала «ты мне противен», не написала «я узнала правду». Просто поставила точку. И от этой пустоты в груди разрасталась дыра, которую не мог заполнить даже привычный механизм «возьми себя в руки, ты айдол».

Он взял рюкзак. Положил туда два стаканчика кофе в термосе — без сахара, с молоком, как она любила. Упаковку острого рамёна. Плед — мягкий, шерстяной, тёмно-синий, который купил сегодня днём в универмаге, потратив на выбор двадцать минут, потому что не знал, какой цвет ей нравится. Она никогда не говорила о цветах. Только о красках: синяя, чёрная, немного белой для света.

Сон Чжи не надел маску. Не надел кепку. Зачем? Она уже знает его лицо. Или нет? Может, она узнала. Может, поэтому «не стоит».

Дорога до склада заняла сорок минут пешком. Он не стал вызывать водителя. Хотел чувствовать холодный воздух, запах выхлопных газов, мокрого асфальта, жареного мяса из круглосуточных закусовых. Хотел быть просто человеком, идущим к другому человеку. Не звездой, не лицом бренда, не лидером группы.

Склад встретил его тишиной.

Дракон на стене был почти готов. Соль успела доделать крылья — они теперь не выглядели уставшими, в них появилась сила, почти полёт. Но она не закончила глаза. Дракон смотрел в мир пустыми глазницами, и это было жутко.

Сон Чжи сел на то же место, что в прошлый раз. Прислонился спиной к холодной стене. Положил рядом рюкзак. Достал плед, расстелил на асфальте — на случай, если она придёт и захочет сесть. Кофе в термосе ещё был горячим. Рамён ждал.

Он ждал.

Минута. Пять. Десять.

Ветер гонял по асфальту пустую банку, и звук был похож на чьи-то шаги. Каждый раз Сон Чжи поднимал голову. Каждый раз — никого.

Он достал телефон. Написал:

«Я здесь. У дракона. С раменом.»

Отправил. Сообщение не прочитано. Она либо не видела, либо игнорировала. Он убрал телефон в карман, достал снова. Через десять минут.

«Если ты не хочешь меня видеть — скажи. Я уйду. Но не оставляй так.»

Тишина.

В два ночи он начал замерзать. Кардиган был тонким, а осенний Сеул выстуживал до костей. Он не взял куртку — не подумал. Зубы слегка стучали, но он не двинулся с места. Потому что если он уйдёт сейчас, то не узнает. Не поймёт. А непонимание хуже любой правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.